

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФИИ

Ларс Свендсен

Философия философии

«Прогресс-Традиция»

2004

УДК 18
ББК 87.774

Свендсен Л.

Философия философии / Л. Свендсен — «Прогресс-Традиция»,
2004

ISBN 978-5-89826-510-6

В очень популярной, доступной форме известный норвежский философ Л. Свендсен дает свое оригинальное видение того, что же такое философия. Наука о мудрости – такое определение предлагает автор. Философствовать – значит подвергать сомнению свое понимание себя. Ведь философия – не просто поиск мудрости, внешней по отношению к нам, это неизбежность встречи с собственным невежеством, это необходимость задавать себе неудобные вопросы, сомневаться во всем, что ты знаешь и чем являешься. Этот глубоко личный аспект философии проходит путеводной нитью через всю книгу. Опираясь на западную философскую традицию, автор рассказывает об основах философии, о взаимосвязях философии и литературы, науки, о доминирующих ныне школах аналитической и континентальной философии, о прошлом и будущем философии, которую он считает бессмертной... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 18
ББК 87.774

ISBN 978-5-89826-510-6

© Свендсен Л., 2004
© Прогресс-Традиция, 2004

Содержание

Введение	6
Глава 1. Что такое философия?	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ларс Свендсен

Философия философии

Lars Fr. H. Svendsen
Hva er filosofi

© Universitetsforlaget, 2004
© Е. Воробьева, перевод, 2017
© Г. Ваншенкина, оформление, 2017
© Прогресс-Традиция, 2017

* * *

Что же такое философия?.. Философия стремилась постичь бытие... Но стану ли я счастливее, если постигну его?.. И что это на самом деле значит: постичь бытие?.. Что значит постичь этот вот стол? – Я крепко ухватился за столешницу и потряс ее. – Что это, черт побери, означает! – Я не могу постичь ничего, кроме собственных мыслей!...

Ханс Егер, Из жизни богемы Христиании (1885)

Введение

Философствовать – значит подвергать сомнению понимание себя. Ведь философия не просто поиск мудрости, внешней по отношению к нам, это неизбежность встречи с собственным невежеством, это необходимость задавать себе неудобные вопросы, сомневаться во всем, что ты знаешь и чем являешься. Этот глубоко личный аспект философии будет служить нам путеводной нитью через всю книгу.

Я думаю, важно не забывать о причинах, по которым мы начинаем заниматься чем бы то ни было, и в том числе философией. Большинство людей приходят к изучению философии, столкнувшись с теми или иными экзистенциальными проблемами. Так было и со мной. Я был весьма растерянным подростком, которому не доставало ориентиров в этой жизни, и надеялся, что философия мне поможет. В ходе изучения моя растерянность не уменьшилась, скорее, даже наоборот, – но я втянулся в сам процесс. По неведомым причинам поиск решения философских проблем приносил мне ни с чем не сравнимое наслаждение.

Несколько лет спустя я уже зарабатывал свой хлеб философией. Но при этом я утратил кое-что важное. Постепенно философия стала приносить мне все меньше радости, превращаясь в такую же работу, как любое другое занятие. Философия стала скучной. И тут меня осенило, что проблема не в самой философии, а в том, *как* я над ней работаю. Я стал *профессиональным* философом, и этим определялись методы моей работы. Поэтому, завершив работу над докторской диссертацией, я решил оставить профессиональную философию и попытаться вернуть радость. Я решил написать книгу о преследовавшей меня скуке и, таким образом, применить философию к собственной жизни в надежде, что это покажется интересным и другим людям. Работа над книгой реабилитировала философию в моих глазах: я вспомнил об экзистенциальных предпосылках, побудивших меня выбрать эту область знаний десять лет назад.

Получая профессиональное образование, легко потерять из виду исходную причину, по которой мы вообще обратились к философии. В итоге мы превращаемся в специалистов по философии, которая никак не связана с реальным опытом, в которой нет жизни, которая занимается лишь более или менее абстрактным обсуждением проблем, интересных только узкому кругу. Эта книга выросла из идеи, что философия имеет *общечеловеческое* значение, и для того, чтобы оставаться актуальной в наши дни, философия должна обратиться к людям.

Когда мне предложили написать книгу о том, что такое философия, я сразу загорелся этой идеей. Над этим вопросом так или иначе размышлял каждый философ, и, скорее всего, многие хотели бы рано или поздно написать об этом. Вероятно, к подобной задаче следует подступаться, лишь имея за плечами долгие годы занятий философией. С другой стороны, в основе всякой философской деятельности, независимо от того, на какой стадии развития мы находимся, лежит тот или иной взгляд на саму сущность этой науки, и попытка изложить этот взгляд довольно очевидный шаг. Когда мне поставили условие, что книга должна иметь объем около ста страниц и быть довольно доступной по содержанию, я призадумался. Возможно ли осветить эту тему должным образом, оставаясь в заданных границах?

Эта книга не расскажет вам об истории философии от античности до наших дней, хотя некоторые отсылки к истории философии в ней, безусловно, присутствуют. Она также не является общим введением в философию, поскольку для этого пришлось бы довольно глубоко осветить в ней различные дисциплины в рамках философии – к примеру, метафизику, теорию науки, этику, эстетику и логику. Отдать должное всем этим разделам в заданных мне границах было бы просто невозможно. Скорее, «Философия философии» – это попытка достаточно сжато и доступно объяснить, что такое философия вообще и каковы ее аспекты. Отвечая на вопрос, что такое философия и какой она должна быть, я ни в коем случае не претендую на

объективность. Любая метафилософия – теория о сущности философии, ее цели и возможностях – создается под влиянием определенных философских воззрений автора.

Невозможно изложить все существующие взгляды на философию в рамках одной книги, и я решил ограничиться западной философской традицией. Гегель пишет, что истоки «настоящей» философии лежат в античности. Таким образом, он исключает из спектра философских учений труды индийских мыслителей, относя их скорее к религии. Уязвимость подобной позиции состоит в том, что и в западной традиции граница между философией и религией не всегда была четкой. Вместе с тем Гегель по-своему прав. Понятие «философия» имеет греческое происхождение, и изначально оно использовалось для обозначения только одной философской традиции, сложившейся в Древней Греции. Существуют и другие философские традиции, которые роднит с западной философией стремление к обретению мудрости, но на страницах данной книги я не буду обсуждать взаимоотношения между западной и восточной философией, равно как и вопрос о том, правомерно ли применять термин «философия» за пределами западной традиции. Даже в пределах «западной философии» существует бесчисленное количество различных учений, развивающихся параллельно, сближающихся, пересекающихся и вновь расходящихся в своем развитии. Но в силу того что все они исторически происходят из античной философии, они оказываются достаточно близки, чтобы можно было отнести их к одной традиции.

Кроме того, в настоящей книге вы не найдете истории развития понятийного аппарата философии от античных времен до наших дней. И хотя я нередко буду ссылаться на различные источники по истории философии, основной акцент я делаю на современном состоянии философской науки. Тем не менее, очевидно что для ясного понимания того, чем философия *является и должна являться* сегодня, необходимо понимать также и то, чем она *являлась* прежде, поскольку в истории философии можно найти множество альтернатив сегодняшним философским методам.

И хотя я старался сделать книгу как можно более доступной, мне не удалось полностью избежать применения специальной терминологии. Пожалуй, такая книга должна служить в первую очередь картой философского ландшафта. Как и любая другая, эта карта содержит множество названий. Тому, кто немного знаком с философией – в особенности новейшей философией – большинство этих названий будут знакомы. Для прочих читателей я привожу ссылки на философские энциклопедии.

Ограниченный объем книги не позволяет подробно рассказать обо всех философских школах и традициях – франкфуртской, кембриджской и оксфордской школах, но одна из глав посвящена различию между аналитической и континентальной философией, поскольку это различие сыграло – и до сих пор играет – решающую роль в развитии современной академической философии. И хотя эта книга написана норвежским автором, в ней вы не найдете описания воззрений норвежских философов, в первую очередь потому, что отдельной философской традиции, которая бы коренным образом повлияла на понимание того, что есть философия, в Норвегии не существует. Точно так же не существует и отдельной истории норвежской философии. Нельзя сказать, чтобы Норвегия особенно выделялась на карте современного философского ландшафта, о чем мы говорили выше. Пожалуй, самой любопытной чертой норвежской философии является необыкновенно большое число профессиональных философов, что, в свою очередь, объясняется потребностью в большом количестве преподавателей для подготовки студентов к обязательному экзамену по философии, который сдают в бакалавриате и магистратуре.

В главе 1 я даю краткое изложение различных вариантов ответа на вопрос «Что такое философия?», после чего пытаюсь поразмышлять о том, почему мы начинаем заниматься философией и на каких основах покоится философская наука (глава 2). Затем я останавливаюсь на взаимоотношениях между философией и наукой (глава 3), литературой (глава 4) и

историей философии (глава 5). В следующем разделе (глава 6) я рассказываю о расколе между аналитической и континентальной философией, сильно повлиявшем на современную философскую традицию. Таким образом, в первых шести главах я постепенно описываю инвентарь, которым пользуется философская наука. В оставшихся главах, которые с одной стороны более нормативны, а с другой – более субъективны, я рассказываю о том, какой *должна быть* современная философия с моей точки зрения. В главе 7 я обосновываю метафилософскую позицию, которую можно назвать прагматическим плюрализмом или перспективизмом. Затем я привожу аргументы за то, что философия снова должна стать *любомудрием* (глава 8), и показываю, в чем именно деятельность профессионального философа не соответствует этому идеалу (глава 9). И наконец, я объясняю, почему философия будет существовать всегда (глава 10).

Работая над этой книгой, я, как и всегда, получал ценные комментарии от друзей и коллег. Я многим обязан Анне Гранберг, Эйвинну Раббосу, Ингрид Углевик, Кнуту Оготнесу и Кнуту Олаву Омосу.

Глава 1. Что такое философия?

Что такое философия? На это вопрос можно дать множество ответов, и все они будут очень разными. Можно ответить описательно и дать детальное описание проблем, решением которых занимаются и занимались философы, то есть перечислить философский инвентарь. Можно обратиться к социологической науке и ответить описанием и анализом того, чем занимаются философы по роду деятельности, насколько мне известно, подобное исследование никогда не проводилось. Можно попытаться дать ответ, продемонстрировав типичное решение какого-нибудь философского вопроса. А можно ответить нормативно, то есть описать, какой *должна* быть философия.

Чтобы оставаться живой, философия не должна ограничивать себя рамками, в которых она существовала прежде. Кроме того, она не должна соответствовать пониманию философии, которое было принято в определенное время. Границы и методы философии всегда составляют одну из ее проблем, и они всегда открыты для пересмотра. Нет такого философского аргумента или утверждения, которое нельзя было бы оспорить. Не существует и общепринятых методов или общепринятых авторитетов, к которым мы могли бы обратиться. Абсолютно все элементы философии, включая и легитимность существования самой философской науки, могут быть подвергнуты сомнению. В платоновском диалоге «Теэтет» Сократ говорит, что главный вопрос не в том, о чем бывает знание или сколько бывает знаний, а в том, что такое знание само по себе. Как правило, философия обращена не к частностям, но к общему, она пытается ответить на вопросы вроде «Что есть предмет?» или «Что такое чувства?». Впрочем, эта нацеленность на общее нередко становилась поводом для критики. Так, Витгенштейн утверждает, что важнейшее требование к философскому исследованию – отдать должное феноменам и что самые большие сложности возникают у нас именно из-за ориентированности на общее, заставляющей нас пренебречь опытом, который можно почерпнуть из частных. В философии ничего нельзя принимать как данность, даже сам предмет философии и ее определение. «Сущность» философии, если она вообще имеет место быть, невозможно объяснить, передать, скорее она заключается в деятельности, которая заставляет нас постоянно задаваться вопросом о ее цели и смысле.

Вопросы «Что такое математика?», «Что такое физика?», «Что такое биология?» – это не вопросы соответствующих наук. Это вообще не научные вопросы, а философские. И вопрос «Что такое философия?» – тоже философский. Таким образом, философия оказывается единственной дисциплиной, которая изучает саму себя. Каждый философ имеет какую-то метафилософскую позицию – явную или неявную, – поскольку любое философствование неизбежно строится на каких-то теоретических предпосылках. Эти предпосылки можно обсуждать на метафилософском уровне. Всякая философия содержит в себе – или, по крайней мере, подразумевает – некое понимание сущности и целей философии. Некоторые авторы редуцируют это понимание до одной-единственной характеристики – метода (к примеру, лингвистического анализа) или определенного содержания, – другие опираются на более сложную концепцию. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что явная или неявная рефлексия, присущая всякой философии, делает невозможным нейтральный ответ на вопрос о том, чем является философия и чем она должна быть.

Невозможно провести совершенно четкую границу между философией и тем, что ею не является, не причинив ущерб собственно философии. К примеру, мы не можем однозначно отделить философию от науки, с одной стороны, и искусства, с другой. Разумеется, существуют философские концепции, посвященные именно такому разграничению, однако эти концепции всегда слишком поверхностны и не вмещают всех богатств, которые может предложить философия. Порой понятие «философия» употребляется в очень узком смысле, когда опре-

деленная традиция или школа пытается присвоить его себе. Например, представитель какой-нибудь философской традиции может заявить, что философы другой традиции занимаются не «настоящей философией», а всего лишь «эмпирической психологией» или «историей идей». Ни одно сжатое определение не способно охватить все многообразие философии. Конечно, можно потрудиться и составить такое широкое определение, которое включит в себя все возможные варианты, но подобное определение окажется бесполезным, поскольку под него будут подпадать любые – хоть сколько-нибудь общие – попытки понять мир. Чуть точнее можно охарактеризовать философию как мышление о мышлении, то есть осмысление собственного восприятия. Но и это определение нельзя назвать удачным, поскольку многие философские учения описывают далеко не только наше *восприятие* различных феноменов, но и сами эти феномены.

Слово «философия» происходит от греческого φιλοσοφία – любовь к знанию, к мудрости. Таким образом, философ – любитель мудрости. Пифагор утверждал, что в то время, как обычные люди думают о преходящих удовольствиях и житейских тяготах, философ стремится к *истине*. Но ведь есть и другие люди, помимо философов, которые занимаются поиском истины: к примеру, журналисты или следователи. Истина как таковая оказывается слишком размытым критерием. Может быть, у философов и журналистов истина разная? Принято считать, что философ занят поиском «глубинной» истины, вечной и неизменной. Как тогда быть тем, кто не верит в вечные и неизменные истины и скептически настроен относительно «глубины», поскольку стремление к «глубине» явно говорит о пренебрежении поверхностным. Разве такие люди не могут быть философами? И как же Ричард Рорти, который считает, что истина вообще не является значимым аспектом философской деятельности, и чрезмерное стремление к истине скорее вредно, поскольку отвлекает наше внимание от более важных вопросов – к примеру, развития межличностной солидарности? Стоит упомянуть и Стивена Стича, который утверждал, что, если у человека сформировано ясное представление о предмете, истинность отдельных утверждений его уже не особенно волнует. Едва ли мы вправе утверждать, что Рорти и Стич не заслуживают называться философами исключительно из-за своих взглядов на ценность истины. Другими словами, мы не можем определить философию как особое отношение к истине.

Традиционно философские утверждения должны обладать двумя качествами: универсальностью и необходимостью. Универсальность означает, что они должны быть верны не только для одного человека, но для каждого человека. Необходимость здесь понимается как противоположность случайности: все происходит, согласно данному утверждению, не *случайно*, а потому, что *должно* произойти именно так. Однако со временем многие начали сомневаться, что в мире вообще существует что-либо, соответствующее этим двум критериям. Так что теперь требование к философским утверждениям только одно: они должны быть в некотором смысле фундаментальны. Многие философы пытались ответить на вопрос о том, что в мире наиболее фундаментально, и ответы были самыми разными – от «атомов» до «Бога». Нашлись и те, кто утверждал, что мы никогда не сможем получить достоверные знания о самом фундаментальном явлении, что бы это ни было, и даже не сможем узнать, существует ли вообще такое явление. Тем не менее отрицание возможности познания самого фундаментального явления и даже существования такового, само по себе фундаментальное утверждение, поскольку в нем задаются непреложные границы человеческого познания.

Существует ли вообще такая вещь, как строго философский вопрос? Всякий вопрос – это вопрос о чем-то, и философский вопрос тоже должен быть о чем-то. Но это *что-то* подразумевает некий предмет, и нам, таким образом, необходимо определиться с предметом философии, если таковой у нее имеется. Предмет философии – это все и ничего. Философия занимается формированием представления о мире и наших знаниях. Можно было бы возразить, что такова роль науки, но наука никогда не давала нам чего-то подобного, и чем дальше, тем

меньше способна его дать, поскольку научные дисциплины становятся все более узкими и специализированными. Разумеется, существуют ученые (и некоторые философы), которые пытаются вывести «теорию всего», но, как правило, такие теории служат лишь иллюстрацией провала, который ожидает любого эмпирика, попытавшегося подчинить себе метафизику.

С начала развития философии и вплоть до середины прошлого столетия одной из главных дисциплин философии была космология (хотя статус ее менялся с течением времени), которая, в частности, решала вопрос о фундаментальной структуре бытия. Однако сегодня космология как «теория всего» практически исчезла с карты философского ландшафта. И если сегодня кто-то и предложит «теорию всего», скорее всего, это будет адепт естественных наук, а не философии. Как правило, философы встречают подобные теории с большим скепсисом, который объясняется тем, что эти «теории всего» чаще всего страдают редукционизмом и чрезмерно упрощают ту область действительности, которую они якобы пытаются объяснить. Поскольку философия должна дать нам целостное представление о мире и наших знаниях, можно утверждать, что предметом философии является *всё*. Не существует ограничений на те предметы и проблемы, которые могут оказаться релевантными для философа. С одной стороны, философия занимается исследованием самых общих вопросов, какие только можно вообразить. Аристотель задавался вопросом, каковы признаки «сущего», иначе говоря – что такое *вещь*. С другой стороны, тот же Аристотель обсуждал множество других вещей – от лягушек до пьянства, ударяясь тем самым в противоположную крайность. Едва ли можно провести четкую границу, которая отделяет предметы, относящиеся к области философии, от предметов, которые однозначно к ней не относятся.

Вместе с тем справедливо будет утверждать, что зачастую философия вообще не имеет никакого предмета, а скорее занимается *размышлениями* о предметах. Другими словами, предметом философии может быть все что угодно, а потому попытка дать определение философии через ее предмет начисто лишена смысла. Поэтому существует мнение, что определяющим для философии служит не предмет, а метод. Но в философии используется такое разнообразие методов – в том числе логический анализ, диалектика, герменевтика, деконструкция, – что и здесь не удастся достичь полного согласия. Мы опять зашли в тупик.

В ходе истории термин «философия» употреблялся применительно к различным видам интеллектуальной деятельности. В античные времена не существовало четкой границы между философией и наукой, но постепенно происходит выделение различных областей науки – сначала астрономии, физики и химии, затем психологии и социологии. Тем самым область философии постепенно сужалась, поскольку многие ее участки отходили вновь возникающим наукам. С другой стороны, в наши дни слово «философия» применяется без всякого разбора: каждое уважающее себя предприятие должно иметь собственную «философию», под которой подразумевается та или иная управленческая практика. Если вы зайдете на интернет-страницу www.philosophy.com, вы обнаружите, что это сайт косметической марки. А сайт www.philosophy.org окажется в каком-то смысле «философским», поскольку он посвящен одной из форм современного движения New Age, не имеющего, впрочем, ничего общего с профессиональной философией. Ни один профессиональный философ не согласится, что в его деятельности есть что-нибудь общее с упомянутой маркой косметики или движением New Age. Звание философа не защищено никакими квалификационными требованиями, в отличие, к примеру, от звания психолога, так что философом может назваться всякий, кому придет в голову. Дональд Джадд однажды сказал: «Если кто-нибудь называет это искусством, значит, это искусство». Пожалуй, то же можно сказать и о философии: если некую деятельность называют философией, значит, так оно и есть. Мы хотели бы знать, что делает философию философией и что общего у всех видов деятельности, носящих такое название.

Здесь велико искушение прибегнуть к формальному определению искусства, которое существует в теории искусств. Эта теория была разработана Артуром Данто и Джорджем Дики

и в общих чертах сводится к тому, что искусство – это продукт человеческой деятельности, которому приписан статус произведения искусства людьми, уполномоченными высказываться от имени определенного круга организаций из мира искусства. Применительно к философии получается, что философским может считаться такое произведение, которое назвали философским люди, уполномоченные на это определенными философскими организациями. В таком случае я, будучи научным сотрудником философского факультета при университете, мог бы решать, что является философией, а что нет. Но такое решение меня не устраивает, поскольку оно является чисто внешним, никак не связанным со свойствами, содержанием и формой самого объекта. В том, чтобы представители определенных учреждений могли по собственной воле присваивать чему-либо статус философии, мне видится слишком много произвола и слишком мало обоснованности. Должны быть какие-то критерии. Каковы же они?

Вопрос «Что такое философия?», судя по всему, основан на потребности провести границу между философией и не-философией. Он говорит о желании выделить необходимые и достаточные условия для того, чтобы с полным правом называть что-либо философией. Тогда можно было бы говорить о том, что некое учение или утверждение является философским тогда и только тогда, когда оно удовлетворяет критериями X, Y и Z. Но едва ли можно найти такие критерии, с которыми все однозначно согласится. Не существует одного или нескольких четких критериев, проводящих границу между философией и тем, что ею не является. Пожалуй, это и к лучшему.

Витгенштейн утверждает, что философа делает философом отсутствие членства в каком-либо «идейном кружке». Но в таком случае философов вообще не существует! Каждый философ принадлежит к какой-либо школе или как минимум традиции. Большая часть философской деятельности происходит в «рамках нормальной науки», пользуясь выражением Томаса Куна, или парадигмы. Парадигма ограничивает нас в выборе теоретических вариантов, сама по себе не являясь предметом для дискуссий. Парадигма очерчивает круг допущений, которые считаются верными, проблем, которые релевантны для изучения, и методов, которыми можно пользоваться в работе. Для «нормальной науки» характерно не ставить под сомнение парадигму, а принимать ее как данность, работать в ее рамках, развивать и уточнять ее. По большому счету именно так работают и философы, так что каждый философ в некотором смысле является членом «идейного кружка». Абсолютно самостоятельных мыслителей не существует, не был таким и сам Витгенштейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.